

Дейв Кларк, один из немногих ближайших друзей Фредди Меркьюри, будучи однажды приглашенным к последнему на ужин, предвкушал веселый вечер, однако практически с порога был огорошен ужасной новостью – Фредди сообщил ему о своем положительном диагнозе ВИЧ. По словам Кларка, услышав это, он был «…шокирован. Но Фредди совсем не выглядел расстроенным, он выглядел великолепно, он выглядел здоровым.

Он просто держался. Правда позднее, когда болезнь начала развиваться, стало видно, насколько ему тяжело. Я был одним из тех немногих, которым Фредди полностью доверял». Такое доверие к Кларку со стороны довольно закрытого в реальной жизни для окружающих легендарного Меркьюри неудивительно, ведь они с Дейвом дружили много лет, начиная с момента знаменитого концерта Queen в Гайд-парке в 1976 году. Именно с Кларком была записана заглавная композиция альбома «Время».

Дейв Кларк рассказывал, что Меркьюри испробовал абсолютно все, чтобы избавиться от ужасной болезни, однако потом, поняв тщетность всех своих попыток, махнул на это рукой, смирившись с неизбежностью своей участи. Он даже отказался от абсолютно всех лекарств, оставив только обезболивающие. У такого человека, как Меркьюри – любящего жизнь, старавшегося взять от нее все, что можно, такой шаг был показателем полного отчаяния. «Фредди понял, что это уже совсем невесело, и полностью отказался от лекарств. Он страдал, это было заметно, и я чувствовал себя подавленным и беспомощным, ведь я никак не мог помочь ему. Да и никто не смог бы». Именно на долю Дейва Кларка выпали последние минуты жизни легендарного вокалиста Queen. «Врач был у него всего полчаса назад, заключив, что у Фредди есть еще несколько дней. Никто из нас не ожидал, что это произойдет так быстро». Именно поэтому Кларк с трепетом и огромной ответственностью подходит к организации благотворительности для борьбы со СПИДом.

По словам Кларка, для него дружба с Меркьюри была очень значимой. «Мне очень не хватает его энтузиазма, его чувства юмора. Фредди всегда мог тебя развеселить. Ему было больно, но он не жаловался. Не делал драмы из этого. Он был творцом,

единственным. И еще оставалось так много всего, что он мог бы дать миру»…